

Dīghanikāya II-III
Ed. by Rhys Davids T. W., Carpenter J. E. — London: The Pali Text Society; Luzac & Co., 1960-1966 [1903-1911].

Mahāprajñāpāramitāśāstra
Le traité de la grande vertu du sage de Nāgārjuna (*Mahāprajñāpāramitāśāstra*) / Tr. par Lamotte É. (Bibliothèque du Museon 18). — 2 vols. — Louvain: Institut Orientaliste, Bibliothèque de l'Université, 1944-1949.

Mahāvastu I-II
Mahāvastu I-III / Ed. by Senart É. — Paris: Société Asiatique, 1882-1897.
Sacred books of the Buddhists / Tr. by Jones J. J. — Vols. XVI, XVIII. — London: The Pali Text Society; Luzac & Co., 1949-1952.

Mahāyānasamgraha
La somme du grand véhicule d'Asaṅga / Tr. et ed. par Lamotte É. — I: Versions Tibétaine et Chinoise; II: Traduction et commentaire (Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain. — Vol. 8.). — Louvain, 1973.

Majjhimanikāya I-III
Ed. by Trenckner V., Chalmers R. — London: The Pali Text Society; Luzac & Co., 1964, 1977 [1888, 1896, 1899].

Nāgārjuna, *Īśvarakartṛtvanirākṛtiḥ*
В работе: Stcherbatsky Th. Papers of Th. Stcherbatsky / Tr. by Gupta H. C., ed. by Chattopadhyaya D. (Soviet Indology Series. — Vol. 2). — Calcutta: Indian Studies Past and Present, 1969. — P. 1-16.

Ratnagoṭravibhāgauttaratantra
См. перевод в работе: Takasaki J. A study on the Ratnagoṭravibhāga (Uttaratantra), being a treatise on the Tathāgatagarbha theory of Mahayana Buddhism (Serie Orientale Roma. — Vol. 33). — Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1966.

Samyuttanikāya III-IV
Ed. by Feer L. — London: The Pali Text Society; Routledge and Kegan Paul, 1973, 1975 [1890, 1894].

Vinayaṭīkaṃ I
Ed. by Oldenberg H. — London: Williams and Norgate, 1879.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ТРУДЫ

Носачев П.Г.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПАДНОГО ЭЗОТЕРИЗМА И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ¹

Pavel G. Nosachev

RESEARCHES IN WESTERN ESOTERICISM
AND THE STUDY OF RELIGION:
THE EUROPEAN EXPERIENCE

Article is devoted to the history of the study of western esotericism in Western Europe in the twentieth century. Readout of history of academic researches is conducted by the author with the Eranos seminars (Jung, Sholem, Eliade), after moving to so called «Yates paradigm», then to former of the first chair in Sorbonne university, and further to researches of J. Webb, N. Goodrick-Clarke, E. Howe, concludes with the description of the current status: chairs in Exeter and Amsterdam, ESSWE, ARIES.

Термины эзотерика и эзотеризм прочно вошли в современную жизнь, их можно встретить в книжных магазинах, на экранах телевидения, страницах газет, в эфире радиопрограмм. При этом их значение зачастую считается интуитивно понятным как для тех, кто пишет, говорит и показывает, так и для тех, кто читает, слушает и смотрит. Если разобраться, то под эзотерикой обычно понимают «третью сферу», не относящуюся ни к религии, ни к науке, причем сам состав наполнения этой сферы чрезвычайно пестрый, сравните: НЛО, каббала, розенкрейнциеры, снежный человек, Георгий Гурджиев, Никола Тесла, масоны, экстрасенсорика, торсионные поля, медитация. Этот ряд можно продолжать бесконечно. Сведение несходных и зачастую противоположных феноменов лишь по единственному признаку «отторгнутости» официальной наукой и религией для академического изучения не может считаться продуктивным, но объем явлений подпадающих под компетенцию «третьей сферы», их значение для истории культуры и общественной жизни не может позволить научному сообществу игнорировать эти явления. От начала становления новой научной картины мира и вплоть до XX века серьезные ученые, будто бы сговорившись, игнорировали наличие комплекса, который

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг., проект № 12-01-0005.

ныне именуется эзотерическим. Отдельные авторы могли упоминать о нем, изучать, например, алхимию как рудиментарную химию или устанавливать подлинность *Corpus Hermeticum*, но все это не выходило за рамки отдельных случаев, не связанных с обобщениями и осмыслениями явления в целом. Нам представляется, что можно выделить три основных причины, по которым научное сообщество решило игнорировать т.н. эзотерическое в культуре:

- 1) то, что некоторые исследователи именуют «до-просвещенческим духом»¹; эзотерика появилась в эпоху, когда строгости научного знания с приоритетом эмпиризма и верификации еще не существовало, поэтому смешение субъективных впечатлений и объективных данных, заявка на построение всеобъясняющей как с духовной, так и с материальной позиции модели, являлось основной характеристикой «третьей сферы»;
- 2) с XIX века слово эзотерика было возвращено в употребление² такими личностями как Элифас Леви и Е.П. Блаватская, в том числе и поэтому научное сообщество стало воспринимать любого, кто пытался рассуждать об отдельных феноменах, относящихся к «третьей сфере», как апологетов учений, несовместимых с научным знанием и имеющих четкую идеологическую направленность. Т.е. все, кто хотели изучать эзотерику, сами считались эзотериками;
- 3) для христианского религиозного вероучения эзотерика была ненужным знанием, уводящим человека от Бога во тьму во власть злых духов. Отвергнув христианство как единую и истинную религию, западный мир не смог отвергнуть культуру, возвращенную на христианских идеалах, поэтому отношение к эзотерике, как к «отверженному знанию»³ сохранилось как в новой, так и в новейшей истории.

Итогом можно считать парадоксальную ситуацию, в которой любой, кто брался изучать «третью сферу», считался либо недоучкой, либо адептом того или иного эзотерического учения. Возможно, это отношение иногда было справедливым, но такой подход изолировал огромный массив знаний и культурных артефактов, возвращенных «третьей сферой», и, тем самым, обеднял научное знание в целом. Ситуация стала постепенно меняться с приходом XX века, здесь впервые стали возникать группы ученых, чьи труды были признаны академическим сообществом и в область интересов которых попадали сначала отдельные явления «отвергнутого знания», а затем и весь комплекс. Об истории этих исследований мы бы и хотели повести наш дальнейший рассказ. Прежде чем перейти к нему,

¹ См.: Hermes in the academy: Ten years' study of western esotericism at the university of Amsterdam / ed. Hanegraaff W.J. — Amsterdam: Amsterdam university press, 2009. — P. 11.

² Подробнее см.: Hanegraaff W.J. Esoterica // Dictionary of Gnosis & Western Esotericism / ed. Hanegraaff W.J. — Leiden: Brill, 2006. — P. 336-340; Он же. Some Remarks on the Study of Western Esotericism // Esoterica. — Vol. 1 (1999). — P. 3-19; Носачев П. Эзотерика: основные моменты истории термина // Вестник ИСТГУ. — №2 (2011). — С. 49-60.

³ Подробнее о термине см.: Hanegraaff W.J. Forbidden knowledge: Anti-esoteric polemics and academic research // Aries. — Vol. 5, №2 (2005). — P. 225-254; Webb J. Occult underground-Illinois: Open Court Publishing, 1974. — P. 5-15.

оговоримся, что изучение эзотерики изначально носило междисциплинарный характер, здесь сталкивались интересы как религиоведения, так и культурологии, философии и даже естественных наук, но мы изложим эту историю все же через призму религиоведческого знания, поскольку на сегодняшний день лишь религиоведение официально включило в свою компетенцию изучение эзотеризма¹.

ТАИНСТВЕННЫЙ ДУХ ЭРАНОСА

История круга «Эранос» началась в 1932 году, когда пожилая меценат Ольга Фрёбе-Коптеин (Olga Fröbe-Karteun) встретила с Рудольфом Отто, чтобы обсудить свой проект ежегодных семинаров, которые должны были стать свободной площадкой для обсуждения вопросов, касающихся религии и духовного мира востока и запада². Отто одобрил начинание и предложил назвать его греческим словом «эранос»³, что переводится как пир, на который каждый приходит со своей едой и напитками. С 1933 года семинары Эранос ежегодно в течение 55 лет проходили на территории трех вилл, расположенных на живописном берегу озера Lago Maggiore: casa Gabriella, casa Shanti и casa Eranos. Проект Фрёбе-Коптеин был некоммерческим и не строго академическим, просто научные встречи с докладами и свободным общением, которые объединили людей увлекающихся темами, лежащими на границе между культурологией, историей, религиоведением и даже физикой, биологией и медициной. В разные годы в семинарах принимали участие Анри Корбен, Мирча Элиаде, Гершом Шолом, Карл Юнг, Джозеф Кэмпбелл, Фридрих Хайлер, Карл Кереньи, Макс Кнолл и многие другие. Почвой для объединения столь разных исследователей послужил антиредукционистский подход. Эранос по своему настрою был направлен на утверждение автономии религии, несводимости религиозных феноменов к социальным, биологическим и психологическим явлениям. Идея была в том, чтобы изучать религиозность во всем ее многообразии такой, как она видится самим адептам, здесь очевидно влияние классической феноменологии религии, которую и представлял Отто⁴. Но не меньшее, а возможно и большее чем феноменология влияние на деятельность Эранос оказал Карл Юнг. Пожилой мэтр был постоянным участником семинаров вплоть до своей смерти, и именно его интенция поиска архетипических основ религиозной жизни, с ориентированием на мистические, пограничные состояния сознания и гностическую религиозность и послужили почвой для большинства докладов, сделанных на семинарах, именно в дан-

¹ См. российский стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Религиоведение», в котором с 2000 года дисциплина «Эзотерические учения» являлась обязательной к изучению студентами-религиоведами.

² Подробнее об Эраносе и его истории см.: Man and time: papers from Eranos yearbooks. — London: Routledge, 1951; Pioniere, Poeten, Professoren: Eranos und der Monte Verita in der Zivilisationsgeschichte des 20. Jahrhunderts. — Würzburg: Königshausen und Neumann, 2004; Hahl H. Der verborgene Geist von Eranos: Unbekannte Begegnungen von Wissenschaft und Esoterik. — Bretten: Verlag Neue Wissenschaft, 2001.

³ Wasserstorm S. Religion after religion. — Princeton: Princeton university press, 1999. — P. 36.

⁴ Проект «Эранос» очень хорошо укладывается в концепцию А.Н. Красникова как часть второго периода в истории религиоведения с его скрытым возвращением к теологии.

ном контексте биологи находили общий язык с историками искусства, а религиоведы с физиками. Неудивительно, что такой подход привлек внимание участников семинаров к «отвергнутому знанию».

Можно выделить две основные характеристики религиозного подхода к эзотерике, сложившегося в рамках Эраноса:

- 1) независимость от существующей академической культуры и общей тенденции восприятия «отверженного знания» достигалась посредством частной спонсорской поддержки семинаров и общего консенсуса их участников в заинтересованном и положительном к нему отношении;
- 2) личная заинтересованность участников Эраноса в эзотерическом знании, выражавшаяся для большинства из них в том, что они ощущали для себя онтологическую реальность чего-то высшего, но при этом не могли сузить эту реальность до рамок религиозной жизни, а, следовательно, искали формы внерелигиозного ее выражения.

Самыми известными исследователями, внесшими наибольший вклад в изучение эзотерики, безусловно, были Карл Юнг, Мирча Элиаде, Гершом Шолем.

Личная религиозность Юнга, его особое отношение к гностицизму и пограничным состояниям сознания были предметом множества исследований как у нас в стране, так и за рубежом¹. Здесь нам важно лишь отметить основные особенности его взгляда на эзотерику. С точки зрения глубинной психологии, теории коллективного бессознательно и архетипов Юнг интерпретировал множество явлений, которые до него считались либо вненаучными, либо плодом большого воображения: гностический и алхимический символизм, измененные состояния сознания, провидческий, экстрасенсорный опыт и т.д. Благодаря своей психологической теории Юнг смог объяснить значимость и онтологическую обоснованность явлений, которыми наука ранее пренебрегала (например, таких как алхимия). Юнг показал, что отдельные элементы «отвергнутого знания» не просто важны, а ценны, без них мы не можем понять историю и смысл развития отдельной личности и человечества в целом².

Становление Гершома Шолема как исследователя иудейского мистицизма также рассматривалось на страницах русскоязычных работ³. Для нас важно, что именно на семинарах Эраноса он выдвинул целый ряд идей, которые впоследствии легли в основу «Основных течений еврейской мистики» (1941), книги положившей начало академическим исследованиям каббалы и раннехристианской мистики. Каббала у Шолема впервые освобождается от пут магических ритуалов Леви, масонов и розенкрейцеров и

¹ О религиозности Юнга см.: Панкратов А., Фесенкова Л. Юнгианство и оккультизм // Дискурсы эзотерики / Под ред. Фесенкова Л.В. — М.: УРСС, 2001. — С. 79-99; Hanegraaff W. New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. — Leiden: Brill, 1996. — P. 496-513.

² Подробнее см.: Юнг К. Психология и алхимия. — М.: АСТ, 2008.

³ Заболотная Н. Г.Г. Шолем-духовные странствия / Шолем Г. Основные течения иудейской мистики. — М.: Мосты культуры, 2007. — С. 13-20; Праг Н. Предисловие к первому русскому изданию / Шолем Г. Основные течения иудейской мистики. — М.: Мосты культуры, 2007. — С. 21-28.

становится частью иудейской и общеевропейской культуры. При этом сам Шолем как исследователь занимает резко критическую позицию по отношению к изучаемому явлению, подчас редуцируя каббалу до формы гнозиса на иудейской почве⁴; занимаясь глубокой критикой источников, в том числе устанавливает точное авторство и время написания книги «Зохар»⁵. Как ученый Шолем не полностью вписывается в тенденцию круга Эранос⁶, т.к. стремление к объективности зачастую заглушало в нем личную заинтересованность и устремленность к открытию духовных истин. Как бы там ни было, именно с Шолема начинается исследование каббалы и иудейского мистицизма в строго научном академическом ключе.

Постоянным участником семинаров Эранос был и румынский религиовед Мирча Элиаде, который является довольно противоречивой фигурой, о чем свидетельствуют неутраченные споры вокруг его научной репутации и личной жизни⁷. В контексте нашего обзора важно, прежде всего, отметить, что как и в Шолеме в Элиаде боролись верующий и ученый. Еще в юности румынский религиовед должен был сделать доклад о древней Индии и в библиотеке, наткнувшись на книжку Шюре и (проецируем далее самого Элиаде) «имея очень смутные представления о древней Индии, я поверил тому, что говорил Шюре. И каковы же были мое изумление и моя ярость, когда я задним числом узнал, что речь идет о его мистических выдумках. Наверное, с этих пор во мне и поселилось недоверие к дилетантам, страх, что меня проведет какой-нибудь любитель, и стало набирать силу стремление к источникам, консультироваться только с трудами специалистов, досконально изучать всю библиографию»⁸. Т.е. всю жизнь Элиаде старался, чтобы его исследования имели солидное научное подкрепление и являлись академическими по форме, но при этом зачастую их содержательное наполнение было связано с его личными религиозными убеждениями⁹. Именно последними и был обоснован интерес Элиаде к алхимии, тайным обществам, интегральному традиционализму, мистике, йоге в широком контексте и т.п. В трудах Элиаде эзотерические явления находят свое место в истории религиозной и культурной жизни человека, в контексте теории крипторелигиозности, деления мира на сакральную и

⁴ См.: Culiari I. The tree of gnosis: Gnostic mythology from early Christianity to modern nihilism. — San Francisco: Harper, 1992. — P. 23-69.

⁵ Шолем Г. Основные течения иудейской мистики. — М.: Мосты культуры, 2007. — С. 205-260.

⁶ Подробнее см.: сравнительный анализ в книге Wasserstorm S. Religion after religion. — Princeton: Princeton university press, 1999.

⁷ На эту тему см.: Носачев П. Влияние личного мировоззрения на исследовательскую деятельность (в творчестве Мирча Элиаде) // Труды XX Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. — М.: ПСТГУ, 2010. — С. 62-64.

⁸ Элиаде М. Посулы равенства: Жатва солнцеворота. — М.: Критерион, 2008. — С. 61-62.

⁹ Тема личной религиозности Элиаде является достаточно непростой и требует отдельного исследования, здесь же оговоримся, что во многом свет на нее проливает недавно изданный Португальский дневник Элиаде. Подробнее о дневнике см.: Носачев П. Рецензия на Eliade M. The portugul journal // Вестник ПСТГУ №4(36). — М.: ПСТГУ, 2011. — С. 136-139.

профанную сферы, теории иерофании¹. Элиаде не выделяет эзотеризм в особую сферу явлений, для него скорее религиозная жизнь является одним из аспектов проявления изначального тайного, «отвергнутого» или забытого знания. В любом случае на страницах трудов Элиаде в академическую науку в нередукционистском ключе попадают сведения о мистичизме различных народов, восточной и западной алхимии, магии, колдовстве и тайных обществах.

Таким образом, роль круга Эранос в изучении эзотерики является очевидной. Авторы круга легитимировали для академической науки целый ряд тем, ранее считавшихся не заслуживающими внимания. С точки зрения критического историка ценность такой легитимации оказывается спорной по одной простой причине: авторы Эранос были подчас чрезмерно увлечены, а иногда и погружены, в описываемые ими явления, при такой постановке вопроса грань между исследователем и апологетом становится очень зыбкой, а на дальнем расстоянии от предмета исследования, неразличимой.

YATES PARADIGM

Следующим этапом в истории изучения эзотеризма стали исследования, проводимые в рамках Варбургского института Лондонского университета, которые изначально носили исторический и культурологический характер объективного научного исследования. В поле изучения института попала культура позднего средневековья и Возрождения, которая при детальном изучении оказалась хранилищем не только гуманизма, но и герметизма. В период между концом 50-х и серединой 70-х годов XX века под эгидой Варбургского института выходит целый ряд исследований, посвященных герметической философии, натуральной магии Марсилио Фичино и Джордано Бруно, истории «розенкрейцерского фурора» и т.п., среди основных работ необходимо назвать монографии: «Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella» (1958) Д.П. Уолкера и исследования Фрэнсис Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция» (1964), «Розенкрейцерское просвещение» (1972), «Оккультная философия Елизаветинской эры» (1979). Интересно, что библиотека Варбургского института располагала многими ценными источниками по темам, что заставляет некоторых исследователей предполагать², что Эби Варбург, основатель института, сознательно закладывал базу под будущее возможное изучение неоплатонизма, герметизма, алхимии и магических практик ренессансной поры.

Одной из самых ярких фигур Варбургского института в те годы была Фрэнсис Йейтс. Ее работы хорошо известны русскоязычному читателю, почти все переведены на русский³ и уже не первый год активно исполь-

¹ О религиозно-теоретической теории Элиаде см.: Забияко А.П. Сакральное как категория феноменологии религии М. Элиаде // *Религиоведение*. — № 3 (2002). — С. 133-138.

² *Hermes in the academy: Ten years' study of western esotericism at the university of Amsterdam* / ed. Hanegraaff W.J. — Amsterdam: Amsterdam university press, 2009. — P. 51, 105, 129.

³ Переведены: Йейтс Фр. *Искусство памяти* (1997); Йейтс Фр. *Розенкрейцерское просвещение* (1999); Йейтс Фр. *Джордано Бруно и герметическая традиция* (2000).

зуются как в научной, так и в педагогической деятельности. Нам важно, прежде всего, кратко охарактеризовать тот вклад, который Йейтс внесла в изучение эзотерики. Вклад этот, как показывает время, был значителен, быть может, он даже превосходил по значимости круг Эранос. Йейтс не только провела глубокое исследование творчества Фичино, Бруно, Кампанеллы, Ди, Флада и др., она также создала то, что современные исследователи именуют «Yates Paradigm»¹ — первую парадигму объяснения эзотерических явлений, их роли и места в истории культуры и их значимость для современности. Прежде всего, британская исследовательница выделила роль герметизма в культуре Возрождения, если раньше *Corpus Hermeticum* не считался столь важной работой для понимания всей эпохи, то Йейтс показала, что многие основные достижения и открытия (включая гелиоцентризм и химию) были напрямую инспирированы корпусом.

Согласно теории Йейтс, от Фичино к Бруно тянется идея магического постижения мира и операционного воздействия на него, эта идея, согласно британской исследовательнице, дала начала новоевропейскому естествознанию, ибо операционность методов натуральной магии была первой системой научного познания мира, сформировавший базис, на котором позже появятся (отвергнув его постулаты) теории Декарта и Бэкона. Йейтс выстроила историю популяризации «отверженных знаний» в Ренессансе (алхимии, каббалы, магии и герметизма) от т.н. «христианского» состояния, когда каждая из областей «отверженного знания» органично встраивалась в религиозную картину мира, до полного отрицания христианства адептами герметической философии (Бруно и Кампанелла). Йейтс продемонстрировала своеобразие таких фигур как Ди и Флад, указав на феномен ученого герметиста — ученого-естествоиспытателя, руководствующегося в своих научных штудиях мифологическими посылами алхимии, герметизма или натуральной магии. Также британская исследовательница впервые провела анализ истории тайных обществ, описав их влияние на культуру Нового времени. С выходом в свет ее работ для историков науки, культуры и искусства общеупотребительными становятся термины: «розенкрейцерский фурор», «герметическая философия», «натуральная магия» и т.п. Безусловно, Йейтс несколько преувеличила роль «отверженного знания» в истории науки и культуры², но вклад ее в изучения эзотеризма нельзя переоценить, после ее работ роль «отверженного знания» возросла, а значит, стало можно говорить о нем открыто в академических кругах.

«МИР ПОСЛЕ 1968»

Период между 70-ми и 90-ми годами XX века ознаменовался появлением целого ряда работ, посвященных эзотерике. Обусловлено это было не только эффектом, произведенным трудами Йейтс, но и изменением в научном мировоззрении (вспомним, что именно тогда появляются книги

¹ См.: Hanegraaff W.J. *Beyond Yates paradigm* // *Aries*. — Vol. 1, №1(2001). — P. 5-37.

² См.: Визгин В. *Наука, религия и эзотерическая традиция: от модерна к постмодерну* // *Дискурсы эзотерики* / Под ред. Фесенкова Л.В. — М.: УРСС, 2001. — С. 79-99; Гайденок П. *Христианство и генезис новоевропейского естествознания* // *Философско-религиозные истоки науки*. — М.: Мартис, 1997. — С. 44-87.

по методологии науки Куна, Поппера, Лакатоса), в отношении прогресса и западнцентристских взглядов, а также всплеском деятельности новых религиозных движений¹ и глобализацией мира, приведшей к ситуации обостренного диалога культур. Все эти факторы в совокупности требовали появления определенного уровня рефлексии по отношению к истории западной цивилизации, неотъемлемой частью которой и были «отвергнутые знания».

Пожалуй, самым значительным событием этого периода стало открытие первой кафедры, посвященной изучению эзотерики. Формально деятельность кафедры истории христианского эзотеризма началась с 1965 года в Сорбонне с избрания Франсуа Сегре ее заведующим. Инициатива открытия кафедры, как и ее название, принадлежали активному участнику круга Эранос Анри Корбену, согласно его идеи исследовательская деятельность кафедры должна была строиться вокруг изучения синкретизма христианского мировоззрения и гнозиса, каббалы, герметизма, который сложился к концу Средних веков, началу эпохи Возрождения, т.е. фактически кафедра должна была продолжать линию Варбургского института, но уже во Франции. Содержательно новый этап в истории кафедры начался с приходом в 1979 году нового заведующего Антуана Февра, который предложил изменить ее название на кафедру истории эзотерических и мистических тенденций в Европе эпохи нового времени и современности (*History of Esoteric and Mystical Currents in Modern and Contemporary Europe*). Таким образом был решен ряд задач: поле интересов кафедры расширилось в хронологическом аспекте позднего средневековья вплоть до современности; исследования больше не должны были строиться вокруг «христианского герметизма», а свободно могли вбирать в себя все, включая деятельность Теософского общества и современных НРД; эзотеризм как идеологическая система, дополнялся мистицизмом, как праксисом, который уже активно изучался У. Джеймсом, Э. Андерхилл, но пока не увязывался с эзотеризмом. Плоды деятельности кафедры Февра появились уже в 90-е годы, когда ее заведующий выпустил монографию, посвященную эзотеризму, в которой предложил его общую теорию. Но подробнее об этом мы поговорим чуть ниже, а сейчас обратимся к другим знаменательным исследованиям тех лет.

Среди самых значительных авторов, взявшихся за описание тем, связанных с эзотерикой прежде всего следует назвать Джеймса Вебба. Вебб — английский историк, выпускник Хэроу и Тринити колледжа посвятил всю свою короткую жизнь изучению эзотерики, из под его пера вышло три объемных монографии: «*Flight from Reason*» (1971), «*The Occult Establishment*» (1976) и «*The Harmonious Circle: The Lives and Work of G. I. Gurdjieff, P. D. Ouspensky and Their Followers*» (1980). Первые две книги — дилогия, посвященная истории смерти разума и выходу на поверхность «отвергнутого знания»², которое менее чем за век заполнило собой западный мир. Книги Вебба охватывают огромный спектр явлений: от экстатической ре-

¹ Которые, зачастую, связывали себя с различными эзотерическими учениями, как формально, так и содержательно.

² В частности Вебб пишет: «Оккультное — это отреченное знание. Оно может быть знанием, которое активно отвергается элитарной культурой или знанием, которое само исключает себя за пределы общепринятого и одобренного, т.к. видит свою несовместимость с царствующей мудростью». Подробнее см.: Webb J. *Occult Underground*. — Open Court Publishing Company, 1974. — P. 191 и далее.

лигиозности американских огненных штатов середины XIX века, до астрологов в окружении Адольфа Гитлера. При этом автор удерживается строго в рамках академической науки. Третья же работа, посвященная истории Г.И. Гурджиева, является первым фундаментальным научным исследованием жизни кавказского «учителя танцев». Также Вебб впервые подробно описал историю спиритизма, теософского общества и т.п.

Работы Вебба и деятельность Варбургского института вдохновили целую плеяду английских авторов посвятить себя изучению эзотерики. Среди самых выдающихся были Элик Хоув, историк, с конца 60-х пишущий о истории астрологии, а позже занявшийся плотным изучением жизни и деятельности Ордена Золотой Зари¹, Кристофер Макинтош, изучавший деятельность Элифаса Леви и, наконец, Николас Гудрик-Кларк, впервые в академической среде обратившийся к эзотеризму в третьем Рейхе в работе «*Оккультные корни нацизма*» (1985). Надо отметить, что последняя работа знаменательна еще по одной причине. Об оккультизме в Рейхе к 80-м годам написан был целый ворох статей и книжек, все они восходили к главе в работе Повеля и Бержье «*Утро магов*», в которой авторы всю деятельность лично Гитлера и национал-социалистической партии сводили к влиянию страшных тайных обществ, которые как пешками на шахматной доске манипулировали историческими событиями первой половины XX века, преследуя свои эзотерические цели. В данном контексте книга Гудрик-Кларка была первой попыткой демифологизации истории отдельных периодов эзотерики.

Итак, к концу 80-х в Европе появляется целый ряд серьезных исследований различных аспектов истории и теории эзотерики, принятых в академической среде. На столь плодородной почве не могло ни появиться новых плодов.

КЛЮЧ К ЗАПАДНОМУ ЭЗОТЕРИЗМУ

Результатом деятельности Антуана Февра на кафедре стал труд «*L'Esoterisme*» (1992), который был написан им для известной, в том числе и в нашей стране, популярной серии «*Cogito ergo sum*». В этой книге Февр на основании своих более чем двенадцатилетних изысканий сформулировал общие положения, очерчивающие эзотерику как сферу академических исследований. Прежде всего, французский исследователь считал, что вернее всего говорить не об эзотерике как явлении, ибо его постижение зачастую связано с опытом недоступным профану, а об эзотеризме, как системе идеологических и мировоззренческих положений, формирующихся вокруг эзотерики. В таком контексте эзотеризм предстает особой «формой мысли» и «совокупностью тенденций», которая согласно Февру определяется четырьмя неотъемлемыми чертами:

- a) вера в невидимую неслучайную связь между видимым и невидимым измерениями космоса;

мость с царствующей мудростью». Подробнее см.: Webb J. *Occult Underground*. — Open Court Publishing Company, 1974. — P. 191 и далее.

¹ Одна из его книг вышла в русском переводе: Хоув Э. *Маги золотой зари*. — М.: Энигма, 2008.

- б) состояние природы, проникнутой неким Божественным присутствием или жизненной силой;
- в) концентрация на религиозных переживаниях как на силе, способной дать доступ к мирам и уровням, лежащим между материальным миром и Богом;
- г) вера в процесс духовной трансмутации внутреннего человека в человека божественного.

К приведенным четырем обязательным составляющим эзотеризма Февр добавляет две необязательные:

- д) вера в единение нескольких или всех духовных традиций;
- е) идея тайной передачи духовных знаний¹.

Здесь впервые можно увидеть цельную концепцию эзотерического знания, четко описывающую, что можно и должно изучать в академии, и с чем ученый религиовед сталкивается, когда говорит или пишет об эзотеризме. Но даже поверхностное знакомство с положениями теории французского исследователя не может не вызвать у читателя лёгкое недоумение: как минимум положения «а, б, в» и «г» мы можем в той или иной мере найти в большинстве религиозных традиций мира (суфизм, исихазм, йога), а те моменты, которые казалось бы этимологически связаны с сутью эзотерики, оказываются как раз необязательными.

Кроме того немаловажным для понимания теории Февра является влияние на него участников круга Эранос и групп перениалистов², фактически бывших его учителями (например Корбен), выразившееся в превознесении эзотеризма как истинной духовности в противовес секуляризованному современному мышлению. Т.е. в теории Февра при очевидном желании дистанцироваться, даже на уровне описательных характеристик прослеживаются нотки симпатии к изучаемому явлению, что, конечно, допустимо для исследователя, но должно быть замечено критиками. Безусловно, теория Февра очень широка и не лишена недостатков, но оценивая ее, всегда необходимо помнить о том, что Февр был первым, кто столь серьезно описал явление эзотеризма в целом.

АРХЕОЛОГИЯ МУСОРНОЙ КОРЗИНЫ

Возможно, изучение эзотерики или эзотеризма так бы и остались делом отдельных исследователей, если бы не появился человек, который смог объединить всех и перенаправить отдельные усилия талантливых авторов в единое созидательное русло. В апреле 1992 года на конференцию в Лионе съехалось много известных авторов, объединенных общим интересом к эзотерике: Февр, Гудрик-Кларк, Макинтош, Джозелин Гудвин и многие другие. Среди прочих на конференцию приехал и молодой исследователь Воутер Ханеграафф, в тот момент только начавший работу над своей докторской диссертацией по Нью Эйдж, но уже активно интересовавшийся методами изучения эзотерики. С работами по теме он познакомился еще будучи студентом, когда увлекся культурой Ренессанса, в те годы его по-

¹ Подробнее см.: Февр А. 500 лет эзотеризма: Новая область междисциплинарных исследований в рамках академии // 500 лет гностицизма в России. — М.: ВГБИЛ, 1994. — С. 7-13.

² См.: Hanegraaff W.J. Beyond Yates paradigm // Aries. — Vol. 1, №1 (2001). — P. 22-23.

разила реакция профессоров, которые все как один не желали тратить свое время на углубления в вопросы, касающиеся «отвергнутого знания»¹. В Лионе Ханеграафф впервые смог пообщаться с авторами, которых раньше знал лишь по книгам. Главной идеей, которая, по-видимому, выработалась у него в те годы, было построение абсолютно объективной и научно безупречной системы изучения эзотерики, которая бы полностью порвала с крайностями понимающего подхода (Эранос и Февра), но в то же время дистанцировалась и от осуждающего подхода (нововременных ученых, Вебба и др.). Менее чем за десять лет голландский исследователь завоевывает себе серьезную репутацию в академических кругах, серьезную настолько, что именно его выбирают в качестве главы второй кафедры, посвященной изучению эзотерики, открывшейся на этот раз на факультете гуманитарных наук Амстердамского университета.

История кафедры началась в июле 1997 года, когда на встрече между Розали Бастен, Розэлфом ванн дер Броком и Вильямом Коджесом была достигнута договоренность открыть кафедру для изучения западного эзотеризма. Инициатива данного предприятия исходила от миссис Бастен, которая будучи обеспеченной женщиной, могла предоставить материальную поддержку для основания кафедры. Учрежденный сравнительно недавно факультет гуманитарных исследований Амстердамского университета был избран в качестве возможного места для основания кафедры по двум причинам: в Амстердаме уже активно действовала «Библиотека герметической философии», основанная Д.Р. Ритманом; в издательстве университета было опубликовано несколько солидных исследований по истории герметизма и связанным с ним течением. Целью кафедры была полная интеграция в современную европейскую научную среду, поэтому образовательные стандарты кафедры, ее исследовательские и научные программы должны были быть на высочайшем научном уровне и полностью независимыми от любых эзотерических миссионерских идей. Поэтому в устав кафедры была внесена отдельным пунктом оговорка о независимости академической жизни кафедры от каких бы то ни было взглядов и мировоззренческих ориентиров². На конференции, прошедшей 18-20 января 1998 года, было решено разработать на кафедре полную трехступенчатую систему образования (BA, MA, PhD), отвечающую всем современным стандартам. Итогом данных подготовительных мероприятий было основание в июле 1999 года кафедры «Истории герметической философии и связанных с ней течений», персонал которой состоял из четырех сотрудников: заведующего профессора Воутера Ханеграаффа, двух доцентов Олава Хамера и Жан-Пьера Браха³ и секретаря. Все эти должности финансирова-

¹ Воутер Ханеграафф вспоминает, что когда он в конце 80-х годов учился в университете Утрехта, темы, связанные с эзотеризмом, не хотел обсуждать ни один профессор, каждый отсылал к своему коллеге, будто перебрасывая горячую картошку из рук в руки (Hermes in the academy: Ten years' study of western esotericism at the university of Amsterdam / ed. Hanegraaff W.J. — Amsterdam: Amsterdam university press, 2009. — P. 17).

² Hermes in the academy: Ten years' study of western esotericism at the university of Amsterdam / ed. Hanegraaff W.J. — Amsterdam: Amsterdam university press, 2009. — P. 12.

³ Интересна последующая судьба первого состава кафедры: Олав Хамер защитил диссертацию «Claiming Knowledge: Strategies of Epistemology from Theosophy to the New Age» и ныне занимает пост главного редактора во влиятельном религиоведческом журнале

лись не из бюджета университета, а на деньги частного капитала, но при этом кафедра была полностью интегрирована в факультет гуманитарных наук университета.

С тех пор и поныне амстердамская кафедра стала образовательным и научным центром по подготовке специалистов в сфере западного эзотеризма. В 2005 году под эгидой кафедры в свет вышел «Dictionary of gnosism and western esotericism», в котором на современном научном уровне освещались все основные вопросы, связанные с мистицизмом, эзотеризмом, в работе над ним приняло участие около 150 ученых из многих стран мира. Благодаря активной деятельности профессора Ханеграаффа в издательстве Brill два раза в год стал издаваться журнал *Aries* (с 2001), полностью посвященные вопросам изучения эзотеризма, а известное издательство Brill создало целую серию «*Aries Book Series*» (с 2006). На этой волне в 2005 году появляется и третья кафедра «Западного эзотеризма» (дающая три уровня образования BA, MA и PhD) в британском университете Эксетера, входящая в Эксетеровский центр изучения западного эзотеризма, и центром и кафедрой до 2012 года руководил профессор Николас Гудрик-Кларк († 2012). Такой успех был закреплен созданием в 2005 году «European Society for the Study of Western Esotericism», сообщества, объединившего в свои ряды большинство современных европейских ученых, в той или иной степени задействованных в исследованиях на поле эзотеризма. Сообществом было организовано три международных конференции: в Тюбингене, Германия (2007), в Страсбурге, Швейцария (2009) и в Сегеде, Венгрия (2011).

Профессор Ханеграафф, высоко оценивая вклад Антуана Февра в изучение эзотеризма, все же считал, что наступила насущная необходимость сформулировать новый подход к изучаемому феномену. «Western Esotericism» в его понимании особый аспект западной культуры, корни которого лежат в синкретизме эпохи Возрождения. В этом аспекте культуры произошел синтез различных явлений предыдущих эпох таких, как каббала, алхимия, гнозис, астрология, герметизм и т.д. До начала Ренессанса эзотеризм был разрозненным конгломератом порождений различных культур и эпох, но объединившись, они создали уникальный феномен, роль которого в истории западной культуры нельзя переоценить. Главной особенностью эзотеризма, по Ханеграаффу, является его отверженность официальной культурой. Голландский исследователь представляет эзотеризм в виде мусорной корзины, в которую сначала христианская, а затем и постхристианская цивилизация Запада выкидывала все, что не подходило в формат принятых и одобренных культурой артефактов. К середине XX века произошел пересмотр багажа ценностей западной цивилизации, что, прежде всего, выразилось в сексуальной революции и снятии табу на интимные сферы человеческой жизни. Вторая половина XX века прошла под лозунгом пересмотра не только ценностей, но и на-

Numen; Жан-Пьер Брах возглавил французскую кафедру истории эзотерических и мистических тенденций в Европе эпохи нового времени и современности после ушедшего на покой Февра; сам Ханеграафф стал главой Европейской ассоциации исследователей эзотеризма, а его заслуги в 2006 году были вознаграждены тем, что Датская Королевская Академия Искусств и Наук избрала его своим членом.

учных взглядов, в результате которого незыблемые границы научности нового времени вынуждены были поколебаться и как следствие вступить в свои рамки то, на что раньше научное сообщество смотрело с опаской. Следствием таких преобразований по Ханеграаффу должно стать полное признание академической наукой исследований в области западного эзотеризма. Причем не в качестве апологии рациональности от иррациональности и не в качестве утверждения академией астрологии и докторов по магии на научном уровне, а в качестве отдельной независимой научной дисциплины, со своим категориальным аппаратом, своей историей, своей методологией и своим статусом, который возможно обособит данную сферу даже от религиоведения, под крылом которого в течение многих лет шло ее развитие.

ОТ НОВОГО К НОВЕЙШЕМУ

Итак, современная ситуация изучения эзотерики в Европе предстает в радужных тонах. Еще бы, всего лишь за несколько десятилетий сфера знаний, о которой раньше нельзя даже было заговаривать на солидных академических собраниях, обрела три кафедры, сеть научных сообществ, множество издательств, книг, монографий, статей и огромное количество ученых. Но так ли уж безоблачна вырисовывавшаяся картина, и стоит ли исследователям в Европе почивать на лаврах? Разумеется, нет. Причины этого выразим в виде последовательности заключительных тезисов¹:

- 1) при всех успехах исследователей во многих странах Европы² к ученым, берущимся за темы, связанные с эзотеризмом, относятся с настороженностью, а это свидетельствует о шаткости позиций, занятых исследователями эзотеризма;
- 2) среди самих исследователей идут неутрачивающие споры о том, что же все-таки они изучают, вновь и вновь звучат голоса с предложениями новых определений эзотерики, эзотеризма, оккультизма, герметизма и т.д., вплоть до призывов отказаться от определений вообще³;
- 3) значительной среди ученых до сих пор является апологетическая традиция круга Эранос, которая стремится к выявлению изначального единства эзотерической реальности и утверждению ее надмирных ценностных приоритетов, противопоставленных секуляризованному миру;

¹ Отметим, что во многом наши тезисы опираются на положения, высказанные профессором Ханеграаффом на последней V конференции российской Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма

² На данный момент объединения ученых по проблеме изучения эзотеризма появились в Англии (<http://centres.exeter.ac.uk/exeseso/index.php>), Франции, Нидерландах (<http://www.amsterdamhermetica.nl/#>), Венгрии, Швеции (<http://snaswe.blogspot.com/>), Германии, Греции (<http://phoenixrising.org.gr/en>), Польше (<http://ceenaswe.blogspot.com/2012/03/hermaion-no-1-first-issue-of-polish.html>).

³ См.: Жданов В.В. Изучение эзотерики в Западной Европе: Институты, концепции и методики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия / Отв. ред. С.В. Пахомов. — СПб.: РХГА, 2009. — С. 5-27. Stuckrad K. *Western Esotericism: A Brief History of Secret Knowledge*. — London: Equinox Publishing, 2005. — P. 1-11.

- 4) не утихает спор о том, должен ли ученый, исследующий эзотерические явления, быть инициантом и иметь определенный опыт, который может быть сочтен необходимым, если помнить, что в изначальном смысле эзотерические учения это такие учения, которые доступны лишь посвященным¹;
- 5) зачастую работы по эзотеризму страдают невысоким научным уровнем и уступают исследованиям в других областях гуманитарного знания.

Как следствие можно заключить, что современная ситуация исследований не может быть признана удовлетворительной и требует появления новой объясняющей модели, которая смогла бы разрешить накопившиеся противоречия и вопросы, тем самым подняв исследования эзотеризма на качественно новый уровень.

¹ Одним из последних подтверждений того, что описанные тенденции актуальны для европейского исследовательского сообщества, может служить доклад Юргена Мейера «Sense and Sensibility: Reading the Esoteric», прочитанный на последней, Третьей конференции ESSWE, и последовавшая дискуссия.

КОНЦЕПТ ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ В КАРТИНЕ МИРА АВТОРОВ БИБЛЕЙСКОЙ И ОКОЛОБИБЛЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Alexey B. Somov

THE CONCEPT OF THE RESURRECTION FROM THE DEAD IN THE PICTURE OF THE WORLD OF THE AUTHORS OF THE BIBLICAL AND COGNATE LITERATURE

This article is devoted to the study of the beliefs in the resurrection from the dead in the biblical and cognate literature by means of the lingua-culturological cognitive analysis combining the examination of cultural, religious and linguistic data. The resurrection is regarded as a concept i.e. as the mental view of a fragment of the universe represented in the lingual picture of the world of the authors of the biblical texts. This concept is a part of the more complex conceptual domain of the afterlife. The basic linguistic representations of this concept, such as its nominative body and some derivative nominations are singled out. Besides, some significant aspects of this concept are illuminated by means of the cognitive theory of metaphor approach and its basic conceptual features are described.

Вопросы интерпретации и понимания текста тесно взаимосвязаны. Если автор и читатель обладают одинаковыми представлениями об окружающем их мире, то есть, согласно теории коммуникации², находятся в одном контексте, а также владеют тем же кодом — той же совокупностью знаков, в том числе и языковых, — можно с достаточной уверенностью говорить о возможности коммуникации между ними. Однако в случае с древними текстами трудно предполагать наличие одного и того же контекста, в котором могли бы находиться автор и современный читатель, да и кодом автора последний может владеть лишь отчасти. В связи с этим, для понимания текста надо не только «знать точное значение» тех или иных слов и выражений, но и иметь представление о картине мира автора текста³.

Плодотворными исследованиями картины мира того или иного народа, социальной или религиозной общности занимается достаточно молодое, но активное направление современного языкознания — когнитивная лингвистика, занимающаяся изучением языка как когнитивного механиз-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ «Лингвистический анализ новозаветных космологических терминов, относящихся к концептуальному полю «загробная жизнь», проект № 10-04-00045a.

² Принципы теории коммуникации кратко изложены в работе: Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей / Сокр. пер. И.А. Мельчука / Ред. Е. Я. Басин, М. Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С.198.

³ Десницкий А.С. Введение в библейскую экзегетику. — М.: Издательство ПСТГУ, 2011. — С. 39.

estant) movements sometimes correlate medical/dietetic/health problematics with those of religious identity, sin, and so on. But the author does not give an explanation of how Protestantism (and exactly Protestantism) causes specific health discourse. It could be said that all these elective affinities, presented in the paper, are examples of coincidence. Or Protestant (Christian) movements simply master new trends and ideas, whose sources were non-religious. Hoverd does not answer the question why *only* from Protestantism could such ideas come. Quite different was the logic of Weberian study. He sequentially showed that the idea of "Beruf" came from religion, and not from other sources. Then, he speaks more precisely. From Protestantism, he shows that this idea in it's full version couldn't come from some of the Protestant denominations, such as Lutheranism. Instead, it could more likely come from other denominations, such as Calvinism. As the answer to the question "why not from another source" is absent in Hoverd's text, the value of his interesting descriptions decreases.

Nevertheless, as a conclusion, we could say that this collection of articles, presented in Brill's volume is of high interest for cultural scientists. The papers demonstrate a high level of erudition, trying to broaden contemporary understanding of the human body and medicine. Sometimes these papers lack a clear logic of argumentation, it must be said. But some small annoyances do not irretrievably spoil the overall picture. Speaking about the whole book, it could be mentioned, that the volume could benefit from a final editorial chapter. This could correlate all the findings from individual research to the questions stated at the beginning. To wit, what is the benefit of having results of such studies? What should a state do — if it must have a view on these or that medical problems?

Ivan Zabaev

АВТОРЫ НОМЕРА

Алексянн Армен — к.ф.н., с.н.с. Института Дальнего Востока РАН.

Аллес Грегори — профессор колледжа МакДэниэл, США.

Антонов Константин — д.ф.н., профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Баркер Айлин — почетный профессор Лондонской школы экономики, Великобритания.

Белов Алексей — независимый исследователь.

Бельзен Якоб — профессор университета Амстердама, Нидерланды.

Вербловски Йехуда Цви — почетный профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль.

Воронцова Елена — преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Дамте Давид — аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Джонсон Грег — доцент университета Колорадо в Болдере, США.

Еленский Виктор — д.ф.н., главный редактор журнала «Людина і світ» («Человек и мир»), с.н.с. Института философии имени Григория Сковороды НАН Украины, президент Украинской ассоциации религиозной свободы.

Железнова Наталья — к.ф.н., н.с. Института Востоковедения РАН, с.н.с. Института философии РАН, доц. Института восточных культур и античности РГГУ.

Забавев Иван — к.с.н., доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Кожар Надежда — студентка Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Украина.

Колкунова Ксения — преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Костылев Павел — с.н.с. Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, главный редактор портала «Религиозная жизнь».

Малевич Татьяна — к.ф.н., доцент Института философии, теологии и истории св. Фомы.

Носачёв Павел — к.ф.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.